

Ф.А. Дурсунова

Бакинский государственный университет, Азербайджан, г. Баку
e-mail: fatimad@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИКИ СОЦРЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Целью данной статьи является исследование процессов формирования эстетики социалистического реализма в литературах тюркоязычных народов бывших союзных республик.

Социалистический реализм, как направление литературы XX века, впервые начал формироваться в русской литературе еще в досоветскую эпоху – в народнической, а позднее в так называемой пролетарской литературе. Политика огосударствления литературы в период установления Советской власти требовала единой эстетической системы в литературе. Из всех существующих систем этим требованиям соответствовало направление, которое в 1932 году председателем Оргкомитета СП СССР И.Гронским было названо социалистическим реализмом. Формирование эстетики соцреализма в русской литературе было обусловлено и художественными явлениями литературы, и официальной доктриной советского государства.

В литературах тюркоязычных народов СССР соцреализм, как литературное направление, возник вследствие политики огосударствления литературы. Многие века литературы этих народов опирались на общетюркский духовно-религиозный и культурно-мифологический фундамент, в период с XI по XIX века развивались в контексте восточной классической литературы.

Литературы тюркоязычных народов бывшего СССР в период формирования эстетики соцреализма скорее напоминали эпигонскую литературу. Тем не менее, система образов, фабульные конфигурации произведений, композиционные и архитектурные формы существенно различались от русской советской литературы. Авторы опирались на традиции устного народного творчества и классической восточной литературы.

Ключевые слова: эстетика социалистического реализма, литература тюркоязычных народов, политика огосударствления литературы, эпигонская литература.

F.A. Dursunova

Baku State University, Azerbaijan, Baku
e-mail: fatimad@bk.ru

Formation of the aesthetics of social realism in the literatures of the turkic-speaking peoples

The purpose of this article is to study the processes of formation of the aesthetics of socialist realism in the literatures of the Turkic-speaking peoples of the former Soviet republics.

Socialist realism, as a trend in the literature of the twentieth century, first began to take shape in Russian literature in the pre-Soviet era – in the populist, and later in the so-called proletarian literature. The policy of nationalization of literature during the establishment of Soviet power required a unified aesthetic system in literature. These requirements corresponded to the direction, which was called socialist realism by the Chairman of the Organizing Committee of the Writers' Union of the USSR I. Gronsky in 1932. The formation of the aesthetics of socialist realism in Russian literature was due to both the artistic phenomena of literature and the official doctrine of the Soviet state.

In the literatures of the Turkic-speaking peoples of the former USSR, social realism, as a literary trend, arose as a result of the policy of nationalization of literature. For many centuries, the literature of these peoples relied on the general Turkic spiritual-religious and cultural-mythological foundation, in the period from the 11th to the 19th centuries it developed in the context of Eastern classical literature.

The literature of the Turkic-speaking peoples of the former USSR during the formation of the aesthetics of socialist realism rather resembled epigone literature. However, the system of images, plot configurations of works, compositional and architectonic forms differed significantly from Russian Soviet literature. The authors relied on the traditions of oral folk art and classical oriental literature.

Key words: aesthetics of socialist realism, literature of the Turkic-speaking peoples, policy of nationalization of literature, epigone literature.

Ф.А. Дурсунова

Баку мемлекеттік университети, Әзірбайжан, Баку қ.
e-mail: fatimad@bk.ru

Түркітідес халықтардың әдебиетіндегі соцреализм эстетикасының қалыптасуы

Бұл мақаланың мақсаты – бұрынғы одақтас республикалардың түркітідес халықтары әдебиетіндегі социалистік реализм эстетикасының қалыптасу процестерін зерттеу.

Социалистік реализм XX ғасыр әдебиетінің бағыты ретінде ең алғаш рет орыс әдебиетінде сонау кеңестік дәуірге дейін халықтық, ал кейінен пролетарлық әдебиет ретінде қалыптаса бастаған болатын. Кеңес билігінің орнау кезеңінде әдебиетті мемлекеттендіру саясаты әдебиеттегі бірыңғай эстетикалық жүйені талап етті. Барлық қолданыстағы жүйелердің ішінде бұл талаптарға 1932 жылы КСРО жазушылар одағы Ұйымдастыру комитетінің төрағасы И. Гронский социалистік реализм деп атаған бағыт тура келді. Орыс әдебиетіндегі соцреализм эстетикасын қалыптастыру әдебиеттегі көркемдік құбылыстармен және кеңес мемлекетінің ресми дотринасымен негізделді.

КСРО-ның түркітідес халықтарының әдебиетіндегі соцреализм әдеби бағыт ретінде әдебиетті мемлекеттендіру саясатының салдары ретінде ғана пайда болды. Көптеген ғасыр бойы бұл халықтардың әдебиеті жалпытүркілік рухани-діни және мәдени-мифологиялық тірекке сүйенсе, ал XI ғасырдан XIX ғасырға дейінгі кезеңде шығыстың классикалық әдебиеті мәнмәтінінде дамыды.

Соцреализм эстетикасының қалыптасу кезеңінде бұрынғы КСРО-ның түркітідес халықтарының әдебиеті дұрысында эпигондық әдебиетті еске түсіреді. Дегенмен бейнелер жүйесі, шығарманың желілік пішіндемесі, композициялық және архитектуралық үлгісі орыс кеңес әдебиетінен айтарлықтай өзгешелеу болды. Авторлар халықтың ауызекі шығармашылығы дәстүрі мен шығыстың классикалық әдебиетіне сүйенді.

Түйін сөздер: социалистік реализм эстетикасы, түркітідес халықтардың әдебиеті, әдебиетті мемлекеттендіру саясаты, эпигондық әдебиет.

Введение

Феномен социалистического реализма как ведущего направления в литературе СССР 1920-х – 1980-х гг. после распада государства стал одним из наиболее острых проблемных узлов современного литературоведения. Исследовательские работы, написанные в советский период или в первые десятилетия после распада СССР, не могли дать полную объективную оценку литературному наследию этой эпохи, поскольку либо создавались в условиях политической обусловленной цензуры, либо были написаны в пик социалистической идеологии – в режиме острой публицистической полемики с советскими эстетическими концепциями.

Сегодня, спустя почти три десятилетия с момента геополитической перекройки мира, настало время дать взвешенную, сбалансированную, академически корректную и развернутую интерпретацию феномена соцреализма, во многом определявшего духовный климат жизни многонациональной и многоконфессиональной Страны Советов на протяжении большей части XX века.

Неоспорим тот факт, что после установления Советской власти литературы тюркоязыч-

ных стран и регионов, ставших частью СССР, испытали сильнейшее влияние новых идейно-эстетических принципов – прежде всего норм и ценностей русской советской литературы. При этом радикальное обновление литературного процесса в тюркоязычной части СССР протекало иначе, чем в Советской России, потому что этому обновлению предшествовали иные, чем в ней, социокультурные стадии развития общества, а сами литературы опирались на иную, чем в России, сумму духовных ценностей и традиций.

Актуальность заявленной темы заключается в том, что выявление и описание специфических особенностей соцреализма в тюркоязычных литературах поможет разобраться во многих нерешенных проблемах современной тюркологии. Важным, на наш взгляд, является рассмотрение этого культурного феномена именно в контексте общетюркских литературных традиций. Мифогенная эстетика соцреализма вынуждает исследователя обратиться к важнейшим метафизическим идеям и формообразующим явлениям тюркского культурного наследия.

Предметом исследования становится ситуация, при которой в литературах тюркских народов формировалась эстетика социалистического

реализма, а также процесс становления новой жанровой системы.

Объектом исследования является обширный корпус произведений, заложивших основу эстетики соцреализма в литературах тюркских народов.

Работа преследует цель представить тюркскую литературу эпохи соцреализма как уникальную художественную систему, опирающуюся на разработанную в рамках русской советской литературы эстетическую систему, а также на идейно-художественные принципы самой тюркской литературы.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужило литературное наследие тюркоязычных народов бывших союзных республик в период с 1920-х по 1960-е годы.

С точки зрения количественной характеристики материала были отобраны художественные произведения тюркских писателей бывших республик СССР, а с точки зрения качественной характеристики в оборот литературоведческого исследования были взяты произведения авторов, подвергшихся наибольшему влиянию социалистического реализма, как основного направления советской литературы в 1920-1960-е годы.

Научная методология изучения заявленной темы включала в себя несколько этапов. На начальном этапе были изучены работы известных идеологов социализма и коммунизма по роли литературы в социально-политических процессах конца XIX начала XX века.

Одним из первых научных принципов марксизма при анализе литературных произведений применил пропагандист марксизма Г.В. Плеханов. Еще в 1898 году Г. Плеханов писал, что «отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет продвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории» (Плеханов, 1958:312). В.И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» отмечал, что «социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме» (Ленин, 1967:99). А.Луначарский в статье «Задачи социал-демократического художественного творчества» писал: «Я действительно утверждаю, что социал-демократическое творчество должно существовать и будет существовать, и что оно уже имеет свои

задачи» (Луначарский, 1967:154). Первый съезд Союза Писателей СССР поставил точку в полемике вокруг роли литературы в общественных процессах. Литература должна была выполнять роль проводника в мир ленинских идей, становиться помощником в реализации первоочередных задач партии.

Вторым этапом стало изучение формирования эстетики соцреализма в русской литературе. Изучение творчества русских советских авторов дало основание утверждать, «что необходимо дифференцировать такие явления, как социалистический реализм – культурная парадигма, согласно которой осуществлялось огосударствление литературы, и литература (проза) социалистического выбора, создавшая советскую идеомифологическую систему» (Скороспелова, 2003:285).

На третьем этапе к исследованию были привлечены художественные произведения известных тюркских поэтов и писателей, оказавшихся под влиянием соцреализма: «Решающий шаг» Берды Кербобаева, «Манифест молодого человека» Мир Джалала и др. Были выявлены определенные параллели с русской советской литературой этой эпохи.

Методология исследования включала формулировку и ответ на исследовательский вопрос, как формировалась эстетика социалистического реализма в литературах тюркоязычных народов союзных республик.

Обзор литературы

Изучению социалистического реализма в советском литературоведении посвящено огромное число работ теоретиков и историков литературы, таких как С.М. Петрова, А.И. Метченко, Г.Н. Поспелова, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, П.А. Николаева и многих других.

Критика данного явления впервые прозвучала в статье А. Синявского «Что такое социалистический реализм?», опубликованной за границей в 1952 году под псевдонимом Абрам Терц. Американский литературовед Катерина Кларк в своем исследовании «Советский роман: история как ритуал» отмечает, что «после 1932 года (наконец-то) сталинский писатель перестал быть создателем оригинальных текстов, а превратился в рассказчика историй, уже бытовавших в виде партийных преданий» (Clark, 2000:114). В ряду этих исследователей важно отметить Евгения Добренко и его работу «Политэкономия соцреализма», труды немецкого литературове-

да, автора работ по советской литературе Ганса Гюнтера.

Среди современных исследователей этого направления литературы важное место занимают Е. Скорospelова и М. Голубков, которые считают, что возникновению соцреализма способствовали и партийная политика, и сами законы литературного развития.

По мнению М. Голубкова «социалистический реализм – исторически обусловленное и эстетически оформленное явление. Его формирование проходило, с одной стороны, под воздействием обстоятельств собственно литературного плана, с другой стороны, под воздействием внешних, социально-политических условий» (Голубков, 2017:131).

Американский исследователь советской литературы Майкл Келли в своей статье «Горький, Арагон и социалистический реализм» также отмечал, что «с самого начала социалистический реализм вобрал в себя двух самых несовместимых партнеров: политику и литературу» (Kelly, 1983:108).

В азербайджанском литературоведении значимым исследованием советского периода является работа К. Гулиева «Формирование и развитие социалистического реализма в азербайджанской советской литературе» (1987). Наиболее точно роль и место соцреализма в азербайджанской литературе было определено современным азербайджанским писателем и литературоведом Эльчином в монографии «Что дал нам соцреализм?», где автор отмечает: «Если поставить эти вопросы на чаши художественно-эстетических весов, я совершенно убежден, что обретенное нами будет не меньше потерь, может, даже перевесит» (Elçin, 2010:33).

Результаты и обсуждение

Говоря об эстетике соцреализма необходимо отметить, что в современном литературоведении существует два подхода к этому вопросу: 1) восприятие соцреализма как художественного явления литературы 20 века; 2) его интерпретация как официальной доктрины советского государства.

Одни утверждают, что «соцреализм» возник как художественное явление еще в начале XX века в творчестве М. Горького. Возникновению этого явления сопутствовали определенные исторические события – революционное движение 1905-1917 годов. Социальная борьба, как самая злободневная тема этого периода, становится

причиной возникновения такого художественного явления в литературе.

По мнению других, что этот тип творчества возник искусственно, согласно директивам партии для пропаганды советской идеологии. К примеру, славист Пристанского университета Кэрил Эмерсон отмечает, что «наиболее широко себя дискредитировала русская литература сталинского периода (1928-1953). В политическом, экономическом, военном, культурном отношении Советский Союз был «командным государством», управляемым указами сверху и глубоко нелиберальным в своих идеалах» (Emerson, 2012:191).

Немецкий славист Борис Гройс, говоря о советском искусстве в целом, отмечал, что люди искусства, «используя приемы сталинской идеологической обработки, пытались продемонстрировать сходство мифов прошлого с мифами настоящего, чтобы создать единую мифологическую систему, в которой функционирует современное сознание» (Graus, 1992:95).

Формулировка этому явлению была дана на Первом съезде Союза Писателей СССР и зафиксирована в Уставе Союза в 1934 году. Сам термин «социалистический реализм» впервые был предложен председателем Оргкомитета СП СССР И. Гронским в «Литературной газете» 23 мая 1932 года.

Первый съезд советских писателей определил единые для всех этих литератур цели. На наш взгляд, именно с этого периода начинается процесс канонизации литературы и искусства в целом. Искусственно строятся барьеры против воздействия естественных литературных процессов, превращая творчество писателей и поэтов в идеологическую машину государства. На смену гибким законам литературного развития приходит жесткий соцреалистический канон. Социалистический реализм, как литературное направление, продолжает свое развитие уже строго по установленному партией шаблону. «Каноны значительно замедляют, а в экстремальных случаях даже почти останавливают темп развития искусства» (Скорospelова, 2003:282).

Опираясь на классификацию жизненных фаз соцреалистического канона, данную немецким литературоведом, исследователем советской литературы Хансом Гюнтером, экстремальная фаза сужения канона происходит в 1930-1940-х годах, в период тотальных репрессий, которые унесли жизни тысяч писателей, в частности Н. Клюева, О. Мандельштама, И. Катаева, И. Бабеля, Б. Пильняка, П. Васильева, А. Воронского, Б.

Корнилова. В этот список вошли и такие выдающиеся тюркские писатели и поэты, как Ахмед Джавад, Гусейн Джавид, Микаил Мушвиг, Омар Фаиг, Сакен Сейфулин, Ильяс Джансугуров, Ахмед Байтурсынов, Беимбет Майлин, Абдула Каддыри, Касым Тыныстанов и многие другие.

Марксистско-ленинская эстетика становится основополагающей при формировании идеологического дискурса соцреалистического канона. Однако «социалистический реализм не является механическим следствием «приложения» марксизма к явлениям литературы и искусства, но без теории научного материализма не было бы и теории социалистического реализма» (Метченко, 1972:30).

В литературах тюркоязычных народов СССР соцреализм, как литературное направление, сформировался «под воздействием внешних, социально-политических условий» (Голубков, 2017:132).

Литературы тюркоязычных народов многие века опирались на общетюркский духовно-религиозный и культурно-мифологический фундамент. В них было много общего – с точки зрения идеальных поведенческих моделей, мироощущения, жанровых модификаций, художественного языка и т.д. Важно, например, что на протяжении веков все региональные разветвления тюркской литературы придерживались единых строгих канонов восточной словесности, в частности традиционной формы назира – поэтического подражания.

Автор, «пользующийся формой назира, брал у своего знаменитого предшественника известный уже сюжет и образы главных персонажей поэмы, трактуя их в нужном для себя направлении» (Квятковский, 1966:168).

Назира не является подражанием или плагиатом, а скорее некой формой переделки известного произведения с привнесением оригинальных черт. Автор может вводить новые образы, исключать существующие, вносить изменения в развитие сюжета, но неизменной остается основополагающая фабула.

В 20-е – 30-е гг. XX в. соцреалистический канон внес свои коррективы в творчество тюркских поэтов и писателей, вынуждая их вновь обратиться к форме подражаний и создавать своеобразные «советские назира» – на произведения русских советских авторов. В данном контексте важно учитывать, что в русской литературе истоки соцреализма не сводятся только к идеологическому диктату власти, что некоторые грани соцреализма вызревали еще в искусстве

досоветской эры – в народнической, а позднее в так называемой пролетарской литературе. Этой «досоциалистической» фазы формирования соцреализма в тюркоязычных литературах народов СССР практически не было.

Характерная черта соцреализма – предопределенность развития сюжета и судьбы героев. Освоение данного принципа не вызвало особых затруднений у тюркских писателей, которые обладали богатым опытом создания поэтических ответов на известных авторов.

Перед тюркскими авторами советской эпохи стояла новая задача – пропагандировать новую идеологию через существующие уже в русской советской литературе основополагающие фабулы, создавая тюркские прообразы Павла Власова, Глеба Чумалова, Павла Корчагина, Иосифа Левинсона и др.

Иными словами, в то время как русская советская литература – при всей полемике с литературой XIX века – вбирает в себя некоторые органические свойства русской классики, формирующаяся тюркская советская литература вынуждена поначалу делать ставку на подражание и стилизацию (по отношению к «русскому соцреализму»), а не опираться на непосредственный художественный опыт предшественников из числа тюркских литераторов. При этом глубинные процессы литературной эволюции все-таки требовали от советских тюркоязычных писателей найти способы взаимодействия социалистической идеологии с привычными тюркским народам формами выражения эстетического и этического идеала. Подчеркнем: речь идет о тех формах, многие из которых были неизвестны русской советской литературе.

«Перенесение исторической реальности во внеисторическое мифологизированное пространство» (Скороспелова, 2003:286) требовало героев подобных Короглы. Так главные характеры романов о становлении героя-революционера были наделены чертами известных фольклорных героев, как, к примеру, в случае с «крепким, хорошо сложенным юношей» (Кербабаев, 1976:6) Артыком из романа «Решающий шаг» Б.Кербабаева.

Новые мифы и легенды должны были служить для адаптации народа к новым жизненным реалиям. Для создания советской идеомифологической системы тюркские авторы прибегали и к уже известным народным легендам и мифам. К примеру, для создания совершенно нового образа защитника обездоленных известный узбекский советский поэт и драматург Хамид Алимд-

жан пишет поэтический ответ на популярную узбекскую волшебную сказку «Семург». Герой поэмы Х.Алимджана чабан Бунияд вступает в поединок с коварным дивом Ялмогызом, спасая народ от страшного людоеда. Образ служит созданию «героического мифа о защитнике обездоленных и демиурге нового мироздания» (Скороспелова, 2003:302).

В поэме «Семург» прослеживаются параллели с «Песней о Соколе» М.Горького. Фольклорная стилизация, сказочный колорит повествования, меткие афоризмы, такие как «Безумству храбрых поем мы песню!» (Горький, 1969:47), весьма созвучны с общим пафосом поэмы «Семург»:

Мой смелый друг, Песню славы поет Семург!
Песня эта, как мы с тобой,
Полетит над родной землей.
Пусть победы твоей полет
К новым подвигам мир зовет.
К солнцу, к солнцу!.. (Алимджан, 1971:314)

В системе жанров литературы советской эпохи самая важная роль отводилась жанру романа. Говоря о жанре в целом американский литературовед Гэри Сол Морсон в своей статье «Социалистический реализм и теория литературы» отмечал, что «советский роман – не продукт другой литературной школы, но это другой вид искусства, отличный от его западных аналогов» (Morson, 1979:122).

Среди всех жанровых модификаций романа особое занимает роман-эпопея, целью которого было отражение «монументальности эпохи и масштабности перемен, начатых Октябрьской революцией» (Скороспелова, 2003:318).

Жанр романа-эпопеи в азербайджанскую литературу ввел один из основоположников соцреализма Сулейман Рагимов. В 1930 году он пишет роман «Шамо» о политической и общественной жизни Азербайджана в период с 1914 по 1920 годы, иными словами автор рисует картину жизни азербайджанского народа до и в момент установления Советской власти. Автор четко придерживается строгих канонов соцреализма, создавая типические образы помещиков, купцов, богачей, паразитирующих на бедняках. Несомненно, что бесправные крестьяне включены в галерею положительных образов, тем не менее, автор называет и слабые стороны своих героев – отсутствие классового сознания, определенных целей и задач. Среди этих героев есть и те, кто переполнен протестным духом, готов

сражаться против несправедливости подобно героям дастана «Кер-оглы». Но автор четко дает понять своему читателю, что наступили другие времена, и доблести Кер-оглы недостаточно, чтобы построить новый справедливый мир. Он словно по лестнице, ступень за ступенью, ведет своих героев к революционным идеям, создавая из сильных духом наследников Кер-оглы новое поколение борцов-революционеров.

Решая главную задачу жанра, отражая эпохальный момент в жизни целого народа, автор, тем не менее, разворачивает эти события вокруг одного героя – деревенского пастуха Шамо. Трансформация героя из простого пастуха в активного революционера происходит поэтапно, благодаря наставникам Мирзе-Поладу и Матвею Сибиряку. Автор сначала выявляет в своем герое сильный дух и желание бороться против произвола богачей, а затем направляет эту мощь в правильное русло через произведения Ленина о пролетарской революции.

Большим успехом автора было изображение картины переустройства деревни, когда национальные азербайджанские традиции наполнялись новым социалистическим содержанием.

Следующий крупный трехтомный роман Сулейманова Рагимова «Сачлы» можно назвать своеобразным продолжением романа «Шамо», но в центре романа молодая девушка по имени Рухсара, которую прозвали «сачлы» (длиннокосая). Рухсара – типичная представительница мусульманского общества, в котором место женщины было строго очерчено религиозными канонами. Скромность, послушность, полное подчинение родителям и мужу – главные качества женщины, которые ценились в мусульманском обществе. Рухсара получает именно такое воспитание и даже когда она вступает на самостоятельный жизненный путь, она постоянно оглядывается назад, словно ожидая оценки матери Ненегыз.

По мнению автора, эта система ценностей, связанная с традиционным воспитанием азербайджанских женщин, мешает азербайджанским женщинам социализироваться и стать полезными членами общества.

Тема раскрепощения женщины также затронута в другом крупном романе-эпопее туркменского писателя Берды Кербабаева «Решающий шаг», где на фоне событий, связанных со Среднеазиатским восстанием 1916 года, формируется новое поколение туркмен, осознанно стоящих на пути революционной борьбы. Роман охватывает события 1916-1920 годов. В первой части

романа рассказывается о предреволюционном периоде жизни туркменов, во второй охватываются события периода февральской революции и победы октябрьской, а третья часть посвящается годам гражданской войны и становление новой власти в Туркмении.

Автор использует излюбленный прием многих писателей соцреалистов: в первых главах романа рисует картины бесчинства и произвола богачей против бедняков, классового расслоения общества, а затем изображает пробуждение классового сознания и борьбу против этой самой несправедливости. Создавая резкий контраст между двумя эпохами, представляет старый мир как тюрьму для бедняков, а новый как единственное спасение.

В романе «Решающий шаг» образы Шамо и Сачлы словно встречаются в едином пространстве. Молодой туркменский крестьянин Артык и девушка Айна проходят этот сложный путь вместе. Также, как и Шамо, Артык не сразу находит тот самый правильный путь к свободе, помогает ему в этом русский революционер Иван Чернышов, который рассказывает о революционном движении в России, о борьбе русского народа против царя и всех богачей. Артык пытается впервые произнести слово революция, но произносит лишь исковерканное «ривалюса» (Кербабаев, 1976:107). Знакомство с Иваном Чернышовым играют большую роль в развитии политического сознания Артыка. Айна ничем не отличается от Сачлы, также воспитана в духе покорности своим родителям, даже если они собираются ее выдать замуж против ее воли за ненавистного ей Баллы, сына богача Холназара. Но любовь к Артыку помогают робкой девушке стать на путь борьбы за свою свободу.

Под влиянием русской советской литературы возникали такие жанровые модификации жанра романа, как производственный роман, колхозный роман, роман-биография и др. Появились такие колхозные романы, как «Подъемы» Абульгасана Алекперзаде, «Абид-кетмень» Абдулла Кадыри, «Кен-Суу» Т. Сыдыгбекова, послевоенные колхозные романы «Миллионер» Г. Мустафина, «Великая опора» М.Ибрагимова, производственные романы «Караганда» Г. Мустафина, «Небит-даг» Б. Кербабаева, «Апшерон» М. Гусейна и др.

Тюркские романы советской эпохи подчинялись строгим соцреалистическим канонам, были выработаны определенные схемы их построения. Тем не менее, в некоторых произведениях

все еще можно было встретить определенную суфийскую образность и символику, аллюзии на известные суфийские поэмы. Возьмем, к примеру, роман «Манифест молодого человека» известного азербайджанского писателя Мир Джалала о революционном движении в Азербайджане. События в романе развиваются вокруг героя Мардана, который проходит путь от батрака до борца за социалистическое переустройство родной деревни. Для отражения фаз становления героя от темного забитого крестьянина до носителя революционных идей автор использует популярную фабульную схему суфийских поэм: герой покидает родные края, становясь путником (салик – путник, ищущий Истину); путь салика не может быть рационально познан, к просветлению путника ведут его наставники; путь нелегок, герой преодолевает многие препятствия (сражается с дивами и джинами, переплывает море из огня и др.); завершающий этап становления нового совершенного человека (аль-инсан аль-кямиль) – возвращение героя к начальной точке пути, где и замыкается цикл духовного роста героя.

Герой Мардан, вступив в открытый конфликт с местными богачами, вынужден бежать из родной деревни. Оказавшись в городе, Мардан примыкает к революционной борьбе рабочего класса. Политический рост Мардана происходит поэтапно. В становлении Мардана-революционера важная роль отводится его наставникам, таким как мастер Рагим, товарищ Яхья, товарищ Талыб Алиев и др. Путь становления революционера сложен и связан со многими опасностями. Мардан преодолевает все трудности и «возвращается в родную деревню не забитым батраком, а новым человеком, воодушевленным великими идеями» (Мир Джалал, 2006:108).

Заключение

Формирование эстетики соцреализма в литературах тюркоязычных народов СССР, в отличие от русской советской литературы, не опирается на естественные процессы развития литературы. Тюркоязычные народы Российской империи в период ее падения переживали наивысший подъем национального духа. Народы стремились создать собственные национальные государства, формирование национального самосознания этих народов было непосредственно связано с их тюркскими корнями и исламской религией. Опираясь на свои базовые ценности,

каковыми являлись тюркская и исламская культуры, тюркские народы царской России пытались идти в ногу со временем, взяв путь на модернизацию. Именно эти процессы оформили идейно-тематическое содержание тюркской литературы этого периода

После установления Советской власти на литературные процессы этих народов воздействовали государственные структуры. Особый импульс эти процессы получили в период создания Союза Писателей СССР и Союзов Писателей в национальных республиках. «Созданный официальной критикой соцреалистический канон

поддерживался с помощью ряда общественных структур и мероприятий» (Скороспелова, 2003:285).

Литературы тюркоязычных народов бывшего СССР в период становления эстетики соцреализма скорее напоминали эпигонскую литературу. Тем не менее, система образов, фабульные конфигурации произведений, композиционные и архитектурные формы существенно различались от русской советской литературы. Авторы опирались на традиции устного народного творчества и классической восточной литературы.

Литература

- Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах, Том 5. – Москва: Госполитиздат, 1958. – 904 с.
- Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература. ПСС, 5 изд., том 12. – Москва: Политиздат, 1967. – 568 с.
- Луначарский А. В. Собрание сочинений в 8 томах. – Москва: Художественная литература, 1967. – Том 7. – 732 с.
- Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А.Белого («Петербург») до Б.Пастернака («Доктор Живаго»). – Москва, 2003. – 420 с.
- Clark Katerina. The Soviet Novel, Third Edition: History as Ritual. Indiana University Press, 2000. – 344 p.
- Голубков М.М. Русская литература XX века. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 271 с.
- Kelly M. Gorky, Aragon and Socialist Realism // The Crane Bag Journal. – 1983. – Vol.7 – No.1. Socialism & Culture. – P. 108-111.
- Emerson C. The Stalin years: socialist realism, anti-fascist fairy tales, wilderness // The Cambridge Introduction to Russian Literature. Cambridge University Press, 2008. – 292 p.
- Grays Boris. The Total Art of Stalinism. – New Jersey: Princeton University Press, 1992. – 126 p.
- Метченко А. Кровавое, завоеванное. – Москва: Советский писатель, 1971. – 472 с.
- Квятковский А.П. Поэтический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.
- Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. Том 2. – Москва: Наука, 1969. – 660 с.
- Алимджан Х. Избранные произведения (сборник). – Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1971. – 336 с.
- Morson Gary S. Socialist Realism and Literary Theory // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1979. – Vol. 38 – No.2. – P. 121-133.
- Мир Джалал. Манифест молодого человека. – Москва: Глобус, 2006. – 448 с.
- Кербабаев Б. Решающий шаг. Книга первая. – Ашхабад: Туркменистан, 1976. – 322 с.
- Elçin. Sosrealizm bizə nə verdi? – Bakı: Mütərcim, 2010. – 76 с.

References

- Alimjan H. (1971) Izbranniye proizvedeniya (sbornik) [Selected works (collection)]. Tashkent: Izdatelstvo literaturi i iskusstva Gafura Gulyama. 336 p. (in Russian)
- Clark K. The Soviet Novel, Third Edition: History as Ritual. Indiana University Press, 2000. – 344 p.
- Elchin. (2010) Sosrealizm bize ne verdi? [What did the socialist realism give us?]. Baku: Muterjim. 76 p. (in Azerbaijani)
- Emerson C. (2008) The Stalin years: socialist realism, anti-fascist fairy tales, wilderness. The Cambridge Introduction to Russian Literature. Cambridge University Press. 292 p. (in Kazakh)
- Golubkov M.M. (2017) Russkaya literature XX veka. [Russian literature of the 20-th century]. Moscow: Yurayt. 271 p. (in Russian)
- Gorky M. (1969) Polnoye sobraniye sochineniy. Khudojestvenniye proizvedeniya. [Complete Works. Artistic Works]. Moscow: Nauka. Vol.2. 660 p. (in Russian)
- Grays B. The Total Art of Stalinism. New Jersey: Princeton University Press, 1992. – 126 p.
- Kelly M. (1983) Gorky, Aragon and Socialist Realism. The Crane Bag Journal. Vol.7. Iss.1. Socialism & Culture. P. 108-111.

- Kerabayev B. (1976) Reshayushiy shag. Kniga pervaya [Decisive Step. First Book]. Ashkhabad: Turkmenistan. 322 p. (in Russian)
- Kvyatkovski A.P. (1966) Poeticheskiy slovar [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Ensiklopediya. 375 p. (in Russian)
- Lenin V.I. (1967) Partiynaya organizatsiya i partiynaya literatura. PSS [Party organization and party literature. Complete Works]. 5th ed. Moscow: Politizdat. Vol.12. 568 p. (in Russian)
- Lunarchiskiy A.V. (1967) Sobraniye sochineniy [Complete Works in 8 volumes]. Moscow: Khudojestvennaya literature. Vol.7. 732 p. (in Russian)
- Metchenko A. (1971) Krovnoye, zavoyevannoye [Blood, conquered]. Moscow: Sovetski pisatel. 472 p. (in Russian)
- Mir Calal. (2006) Manifest molodogo cheloveka. [The manifesto of the young man]. Moscow: Globus. 448 p. (in Russian)
- Morson G.S. (1979) Socialist Realism and Literary Theory. The Journal of Aesthetics and Art Criticism. Vol.38. Iss.2. – P. 121-133.
- Plekhanov G.V. (1958) Izbranniye filosofskiye proizvedeniya v pyati tomakh [Selected philosophical works in five volumes]. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 5. 904 p. (in Russian)
- Skorospelova Y.B. (2003) Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo (“Peterburg”) do B. Pasternaka (“Doktor Jivago”) [Russian prose of the twentieth century: from A. Bely (“Petersburg”) to B. Pasternak (“Doctor Zhivago”)]. Moscow. 420 p. (in Russian)